

БЕГСТВО ИЗ БАРНАУЛА. СТАНЦИЯ ТАЙГА

До осени 1919 года мы оставались в Барнауле. К городу подходили новые и новые банды, предававшие все огню, грабившие и убивавшие. Надо было бежать, пока Красная армия не вошла в город и большевики не взяли власть. Поезд, в котором нашлось место для 300—400 человек, увез нас — семьи офицеров, горожан, рудничных служащих, учителей и т. д. — прочь из города. Продовольствия в поезде было достаточно, так как мы рассчитывали добраться до Владивостока не быстрее чем за несколько месяцев. Когда у Новониколаевска мы перешли с Алтайской железной дороги на Восточносибирскую, перегоны были уже так забиты войсками и беженцами, что за паровозы и пути шли настоящие сражения. В нашем поезде тоже было несколько пулеметов и три десятка голубых гусар. В качестве охраны нас сопровождал полк, образовавшийся стихийно, подобно атаманским отрядам, и отличавшийся жестокостью и необузданностью. Но при всей его решительности и энергии вперед мы продвигались крайне медленно. От Новониколаевска до станции Тайга — 300—400 километров — добирались четыре недели, потому что угодили в гущу отступающих колчаковских войск, шедших вдоль железной дороги и по единственному здесь большому военному тракту. Их отступление можно сравнить с бегством Наполеона из России. В ледяную стужу тянулись по заснеженным дорогам бесчисленные возы с полузамерзшими, смертельно измученными людьми, солдатами, женщинами, детьми. Павшие лошади, разбитые сани, мерзлые человеческие трупы тормозили движение. Вагоны нашего поезда были настолько переполнены, что пошевелиться невозможно, на подножках и крышах тоже ютились люди. Мы обретались в вагоне для скота. Часто нам приходилось наблюдать, как на бредущих по дороге людей нападали банды красных. Тогда завязывались ожесточенные схватки, и большевики, захватив все, что им было нужно, уходили прочь.

В декабре мы добрались до станции Тайга, большого узлового пункта, откуда идет железнодорожная ветка на

Томск. На этой станции скопилось масса поездов, в том числе военных и санитарных. Колчак с российской золотой и серебряной казной проследовал мимо нас. Наступающая Красная армия под командованием знаменитого Блюхера догнала нас в Тайге. Вспыхнуло серьезное сражение. Вокзал и скопившиеся там составы подвергались особенно сильному обстрелу. Все, кто мог, спешно оставили вагоны, потому что очень скоро они загорелись, а некоторые — с топливом — взорвались. Перед лицом смерти и большевистского плена разыгрывались ужасные сцены. Я видел, как один офицер застрелил свою семью, а потом и себя. Нам пришлось остаться в вагоне, потому что у дочери начались роды. Под гром пушек, под градом пуль, которые не щадили и наш вагон, родилась моя внучка. Шесть пуль пробили постель моей дочери, но ее самое не задели. Нам недоставало самого необходимого — накануне охранный полк разбежался, дочиста нас ограбив. Новорожденную завернули в рубашку, которую я снял с себя, — больше ничего не нашлось. Ободряли меня в это тяжкое время только мужество и душевная стойкость жены и дочери, не покидавшие обеих ни на миг.

Поистине чудо, что все мы, в том числе и младенец, выжили, хотя стужа стояла страшная. Через три дня бои кончились, и мне удалось найти пристанище у одного из железнодорожников — угол в комнате, где, кроме нас, обитала его семья и отступающие солдаты. Здесь моя жена ^{*)} захворала сыпным тифом — заразилась, ухаживая за больной сестрой милосердия. Она настояла, чтобы я поместил ее в переполненном тифозном бараке, бывшей школе, где она через две недели скончалась. Эта страшная болезнь свирепствовала тогда повсюду. Не только все свезенные в барак больные, но и весь медицинский персонал и многие жители Тайги умерли от тифа.

С помощью военнопленных я кое-как сколотил гроб и похоронил жену в тихом месте за пределами городка. С благодарностью хочу вспомнить здесь доброе отношение немца Зорембы из Бреславля. Он служил регентом в здешней католической церквушке. Благодаря ему я добыл гроб, хро-

*) Уроженская баронесса Катарина-Александровна фон МАЙДЕМ
с 1862 г. Пастфер — † 28. 01. 1920 г. Станция ТАЙГА.
375
КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЕЛ Г. ТАЙГИ

мую лошадь, плохонькие сани и двух военнопленных, которые помогли мне забрать из барака тело жены и завернуть в нашу единственную скатерть. Пришлось прокопать туннель в высоченных сугробах, чтобы поставить гроб в маленькой церкви. После того как священник, красивый солидный мужчина, прочел заупокойные молитвы, мы отвезли покойницу за город и похоронили в мерзлой, как камень, земле. Так мне, слава Богу, не довелось пережить, чтобы большевики сбросили ее в глубокую расселину, как остальные трупы, кучей лежавшие под мерзлым снегом, — весной их должны были сжечь. Даже моя дочь, за чью жизнь я в предшествующие дни сильно опасался, тоже поехала с нами проводить мать к месту последнего упокоения. Никогда не забуду прекрасные немецкие прощальные песни, которые пленные пели над могилой.

Тяжкое и памятное время! Двадцать третьего декабря во время боев на станции Тайга ^{*)} родилась моя внучка, первого января я отвез жену в тифозный барак, через две недели она умерла, а в 1 000 миль отсюда в тот же день скончался от той же коварной болезни мой сын Альфред. ^{*)}

БЕГСТВО ИЗ ТАЙГИ

Когда мы осели в Тайге, большевики нас “зарегистрировали”. Это был первый этап плена. Дело в том, что, заняв какой-нибудь населенный пункт или захватив пленных, большевики отправляли их за линию фронта, но не интернировали. В таком случае люди подчинялись военной администрации. Населению не приходилось очень страдать от регулярных войск. На втором этапе пленных сортировали, одних интернировали, других отправляли дальше в тыл, третьим разрешали остаться. Затем следовал третий этап — ЧК, чрезвычайная комиссия. Здесь начинались ужасы большевистского режима, производился строжайший отбор, одних тотчас расстреливали, других отсылали в Москву или в иные тюрьмы. Поэтому все старались не попадать в руки ЧК.

Поскольку мы были зарегистрированы, нам воспрещалось покидать город. Но если уж выбираться из пикового

положения, то надо пытаться бежать. Правда, пришлось выдержать там еще несколько недель. Мастер-путеец, живший с женой и сыном в железнодорожном вагоне, уступил нам половину этого вагона. Так как у нас ничего не осталось, я тоже был вынужден мародерствовать на поле боя. И не зря. Я нашел одежду и провиант, в частности муку, а еще мешочек семян и запаянную коробочку со швейными иглами. В данный момент семена и иглы были без надобности, но позднее сослужили мне спасительную службу. Печку в вагоне мы топили углем, украденным из паровозных тендеров, и кое-как прожили месяц. Когда Ирена немного окрепла, мы решили бежать на паровозе-снегоочистителе, где машинистом был друг нашего мастера-путейца. Жуткая поездка! Мы тулились на узенькой лавке, справа и слева осыпаемые снегом, под ногами громыхали и скрежетали очистные лопаты. Так мы проехали 100 километров на восток и очутились в татарской деревне.

Там нас приютил паровозный машинист, женатый на немецкой колонистке. Он страдал болезнью позвоночника и теперь держал маленькое крестьянское хозяйство. Эти люди отнеслись к нам по-доброму, предоставили комнату, где мы могли устроиться, только пропитание надо было обеспечивать самим. Тут-то мне и пригодились мешочек с семенами да швейные иглы. В деревне семян не было и особенно ценными считались капустные. Уповая на то, что в мешочке именно семена капусты, я выменял его на провизию, как и иглы, тоже пользовавшиеся большим спросом. Жене машиниста мы помогали по хозяйству и учили ее сынишку, пригожего двенадцатилетнего мальчика. За это она давала нам молоко и разрешала пользоваться кухней. До весны мы прожили тут без тревог.

Я написал в Барнаул, запросил, нет ли вестей от моего зятя, так как рассудил, что если он жив, то будет наводить там справки. Вскоре от него самого пришло известие, что он тоже попал в плен и был выслан в Барнаул, получил хорошее место в большевистской железнодорожной администрации и настаивает, чтобы жена спешно выехала к нему. Хотя сам я был против возвращения в Барнаул, где, как я знал, хозяйничают

*) граф Альфред Кейзер 37 Лист (спб 1893 - г. Тулуз. Стбурь)
капитан флота. Помощник командира морского охранного
Д. В. КОЛЧАГА.